

Литература

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: Роман. Ч. 3-4. – СПб: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. – 576 с.

Бунин И. А. Собрание сочинений в 6-ти т.Т.4. – М.: Художественная литература, 1988. – 702 с.

Игнатий Брянчанинов. Слово о чувственном и духовном видении духов [Электронный ресурс] – <http://babayki.orthodoxy.ru/tom3.html> (16.10.2017).

Музей сновидений Фрейда. СПб. Скифия, 2004. – 128 с.

Николай Сербский. Символы и сигналы. [Электронный ресурс] <http://predanie.ru/nikolay-serbskiy-velimirovich-svyatitel/book/71722-simvoly-i-signaly/> (15.10.2017)

Рабинович Е. И. Сны Пробуждённых: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета: монография. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013. – 200 с.

Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О.Б.Христофорова. – М.: РГГУ, 2002. – 382 с.

Сон – семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXVI-е Випперовские чтения. М.: ГМИИ им.А.С.Пушкина.1993. –147 с.

Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений /Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.

Фрейд З. Толкование сновидений /Пер. с нем. М.К. и Я.М. Коганов. С приложением очерка А.Р. Лурии «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии». – М.: Академический проект, 2017. – 475 с.

Юнг К. Г. Очерки по аналитической психологии. – Мн.: ООО «Харвест», 2003. – 528 с.

Юнг, К. Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 300 с.

Юнг. К. Г. Человек и его символы / Под ред. С.Н.Сидоренко. М., 1998. – 368 с.

Бунин С. В., Воронеж
(науч. рук. – Бердникова О. А.)

Скифские мотивы в русской литературе первого десятилетия XX века

Bunin S. V.

Scythian motifs in Russian literature of the first decade of the twentieth century

В статье анализируются произведения русских писателей начала XX века (В.Я. Брюсова, И.А. Бунина и А.М Ремизова) так или иначе посвященных скифской теме.

Ключевые слова: скифы, русская литература XX века, русский реализм, символизм, экспрессионизм

The article analyzes works of Russian writers of the beginning of the 20th century (V.Y. Bryusov, I.A. Bunin and A.M. Remizov) in one way or another devoted to the Scythian theme.

Keywords: scythians, Russian literature of the XX century, Russian realism, symbolism, expressionism

Одна из тенденций, присущих русской литературе, и в особенности русскому модернизму начала прошлого века – это повышенный интерес к архаике, уход в глубь веков и поиск там параллелей с современностью. Это, во многом, поиск национальных истоков, формирование неких историко-культурных канонов. Очень характерно, что авторы уделяли большое внимание другим культурам, некогда существовавшим на территории Российской империи, словно это помогало ярче выявить и собственную идентичность. Одной из таких культур была скифская. Кочевой ираноязычный народ скифов как минимум с конца XVIII-начала XIX веков соотносился французской печатью с русскими. Возникновение такой метафоры частично обосновано географическими причинами, частично – надобностями европейской пропаганды для формирования образа агрессивного и отвергающего ценности Просвещения народа [Орехов 2006: 68-74]. Впоследствии, к моменту наполеоновских войн, данный образ вошел в русскую литературу и журналистику, но, в целях полемики, он был наполнен положительным содержанием (такой переход, к примеру, характерен для творчества Дениса Давыдова). При том в этот период речь еще не шла о сколь-либо достоверной реконструкции скифских обычаев, образа жизни, мифологии. Как российская так и зарубежная печать опирались на расхожие стереотипы, взятые у Геродота и иных античных историков. Яркий образ независимых "сынов степей" на тот момент не требовал использования реального материального и духовного наследия скифских племен. Лишь с течением времени новые возможности археологии позволили создать более достоверный образ. Конец XIX века ознаменовался раскопками скифских захоронений и

открытием множества культурных памятников. С учетом обнаруженного материального наследия, практически угасший интерес к скифам на рубеже XIX –XX веков вспыхивает снова. Скифы осмыслились заново и в контексте широко обсуждаемого "поворота на Восток". Возникает новый, значительно переработанный "скифский миф".

Одним из творцов этого "мифа" является генерал-майор А.Д. Нечволодов, автор четырехтомных "Сказаний о русской земле". В первом томе "Сказаний", увидевшем свет в 1909 году и представляющем собой обзор ранней истории восточных славян с национально-патриотических позиций, скифская тема занимает важное место. Автор проделал большую работу, сведя воедино большую часть упоминаний о скифах в античных и иных источниках, однако, вместе с тем необоснованно утверждал о скифах как о предках славянских народов. Труд Нечволодова получил поддержку российского правительства и лично Императора Николая II, не раз переиздавался и, несомненно, имел определенный культурный эффект. Основной массив художественных текстов, в которых так или иначе задействована скифская тема, появился уже после публикации "Сказаний", после 1910 года и был реакцией на современные авторам события, изначально, на Первую мировую войну. Соответственно, реализм образов для этих текстов теряется либо оказывается несущественным.

Цель данной статьи – исследование зарождения скифской темы в русской литературе первого десятилетия XX века, определение *первичных* мотивов и ассоциаций, возникших вокруг скифов в это время. Цель предполагает анализ произведений авторов, принадлежащих к разным литературным направлениям. Это символист Валерий Брюсов, Иван Бунин, произведения которого на данном этапе можно отнести к реализму, Алексей Ремизов, представляющий зарождающийся русский экспрессионизм. Временной диапазон исследования – от 1900 до 1908 гг.

Первый год нового века ознаменовался выходом нового сборника знаменитого символиста Валерия Брюсова «Tertia Vigilia» («Третья

стража»), проникнутого историко-мифологическими мотивами. Особый интерес здесь представляет вошедшее в подраздел "Любимцы веков" стихотворение "Скифы". Параллели с современной автору реальностью Брюсов находил далеко не у всех культур, однако для скифской было сделано исключение. В дальнейшем Брюсов отвергнет редакторское название "Древние скифы", говоря, что "скифы должны быть не древними, а вечными". При стилистической новизне, в плане идейном "Скифы" Брюсова в целом наследуют традиции XIX века. Ее преемственность определяется уже первыми строками:

Если б некогда гостем я прибыл
К вам, *мои отдалённые предки*, –
Вы *собратом* гордиться могли бы [Брюсов: 125].

Да, между лирическим героем и скифами здесь присутствует определенная дистанция, но дистанция эта в первую очередь временная, а не культурная. Скифы усиленно "славянизируются", в основном, за счет выбора автором лексики, однозначно намекающей на куда более поздние реалии Древней Руси:

Я буду как все – и особый.
Волхвы меня примут как сына.
Я сложу им песню для пробы.
Но от них уйду я в *дружину*[там же].

Упоминание в третьей строфе "раздолья степей" служит той же цели, полностью укладываясь в фольклорный контекст. Отметим, что в дальнейшем образ скифов у Брюсова уже будет более совпадать с историческими свидетельствами. При этом национально-патриотические тенденции не исчезнут, но, наоборот, усилятся, поскольку следующее знаковое стихотворение "Мы – скифы" будет создано уже совсем в других обстоятельствах – в годы Первой Мировой. И герои Брюсова – безжалостные степные всадники – также частично вызваны к жизни мифологемой XIX века, которая раз за разом оживала при любом конфликте с участием царской России. В наиболее сжатой форме эта мифологема звучит так: "казаки – потомки скифов". То, что Брюсов задействовал именно эту мифологему, подтверждается созданным в тот же

период стихотворением "Казачье становье", в котором несколько идеализированный образ казаков, пасущих "свободных коней" совмещен с военными реалиями.

Однако, возвращаясь к "Скифам" 1900 года, обнаруживаем в них еще один мотив, который в дальнейшем и станет ключевым для произведений на скифскую тему, созданных в первое десятилетие XX века. Это мотив материального наследия, того, что останется в наследство новым поколениям. Тогда как Бальмонт в одноименном брюсовскому стихотворении, созданном годом ранее, полностью отказывал скифам в возможности хранения культурной памяти ("Нет ни капищ у нас, ни богов"), Валерий Брюсов делает своего героя не только воином, но и творцом, увековечивающим достижения своего народа:

На куске *сбереженного* кварца
Начерчу я новые лики" [там же].

Кварц, камень не был единственным материалом, но в границах символического мышления именно он передает долговечность культуры скифов, дошедшей сначала до славянских народов, а затем и до современного героя, который глядя на них, мечтает о вольной жизни своих отдаленных "предков"..

В творчестве Ивана Бунина первое проявление скифской темы примерно в то же самое время, обнаруживается в стихотворении 1901 года "Ночь (Ищу я в этом мире сочетанья...)". На этот момент было бы преждевременно говорить об окончательном разрыве Бунина с символизмом [Ходасевич 1929], хотя уже после выхода сборника "Листопад" (также 1901 год) поэт шел своим путем, не сливаясь к какими-либо литературными группами. Тем любопытнее исследование мотивов, общих для "Tertia Vigilia" и "Ночи".

Мысли лирического субъекта здесь, среди прочего, обращены к древним цивилизациям, некогда существовавшим под "твердью синей", а ныне скрывшимся в небытие (в отличии от Брюсова, однако, они являются не центром размышлений, а лишь некой отправной точкой для них).

Образы этих цивилизаций даются через гидронимы и топонимы, крайне важные для мира Античности. Это "Евфрат и Нил, Мемфис и Вавилон" [Бунин: 389]. И в одном смысловом ряду с ними стоят "прибрежья, где бродили тавро-скифы" [там же], скифская цивилизация здесь оказывается равноценной египетской и вавилонской. Характерно употребление самого этнонима "тавро-скифы": он никогда не был самоназванием этого народа с неясной этнической принадлежностью. Он взят именно из античных источников, греческих и римских. Также значение имеет корень "тавр", связывающий исчезнувший народ с Крымом, одним из любимых художественных пространств Ивана Бунина, воспеваемым им на протяжении практически всего творческого пути, начиная с 1889 года. В традиционном античном мировосприятии Крым-Таврия воспринимался как северная граница цивилизованного обитаемого мира, Ойкумены. Это территория, населенная полукочевыми народами, сначала колонизируется греческими городами-государствами, а затем до самого Великого Переселения народов попадает под контроль Римской империи. В этом смысле сопричастность скифов "Евфрату и Нилу" исторически обоснована. И включение Крыма в XVIII веке в состав Российской Империи, претендующей на наследие Рима, воспринималось в рамках всё той же, античной парадигмы. Итак, на данном этапе скифы для Бунина интересны не как кочевой народ, противопоставленный оседлому миру и не как одни из возможных предков славянских народов (этот смысл едва ли был заложен автором стихотворения и в любой случае не является доминирующим), а как сопричастники общей мировой культуры, ценности которой – в первую очередь, любовь – едины для различных эпох и поколений. Со стихотворением "Ночь" связано единственное для ранней поэзии Бунина упоминание скифов как народа. Однако, скифская тема нашла отражение в его творчестве 1910-х годов еще раз – в стихотворении "Каменная баба".

Центральный образ стихотворения – один из уже упоминаемых вещественных артефактов, найденных в южнорусских степях. Значительная часть этих менгиров-изваяний – "каменных баб" относится именно к скифской культуры. Такие изваяния таили в себе загадку, являясь объектами сакральными. Несмотря на народную этимологию их названия, каменные бабы именно скифского периода изображали исключительно мужские фигуры, вероятно, предков. Авторское сознание Бунина, однако, несколько видоизменяет этот образ для него изваяние бесполо, определяется как "оно", "исчадь". Сакральная функция этих скифских статуй очевидна для героя ("Не ты ль когда-то было громовержцем?" [Бунин: 180]), однако его вывод неутешителен как для древних степняков, так и для человека уже современного. Каменная баба здесь – порождение *рабского* сердца, порождение страха перед природой, божественными силами – возможно, и страхом перед самой жизнью. В сравнении со стихотворением "Ночь" здесь, при сохранении диалога древности и современности, нет тех обширных культурных контекстов, нет и самого этнонима "скифы": творцы каменных баб относятся к еще докультурной стадии. Эти первобытные памятники – единственная память о тех кто создал их, что подчеркивается мертвенностью окружающего пространства.

Еще одним автором, строившим свой сюжет вокруг материального наследия скифов, был Алексей Ремизов. Ремизова на протяжении всего творческого пути привлекала древность, в том числе и времена дописьменные, о которых не осталось достоверных свидетельств. Это отразилось, среди прочего, в его взаимоотношениях с Александром Блоком. Так в дарственной надписи на книге "Заветные сказы" от 1 декабря 1920 года встречается следующая фраза: "Воспоминание о старине допотопной, когда на острове водился слон" (ее построение позволяет предположить ассоциацию с мамонтами, кости которых также являлись следами прошлых эпох и предметом всеобщего удивления) [URL]. Что же касается скифов и "скифства", то на данном этапе Ремизова, как и Бунина,

интересовали именно материальные артефакты степной культуры, "каменные бабы" выступают как осязаемое наследие исчезнувшего народа. Этот образ был использован им при написании сказочного цикла "К морю-океану", в котором Ремизов художественно перерабатывает образы как славянского фольклора, так и древнерусской литературы, от "Слова о полку Игореве" [Розанов 2016: 104-108] до "Голубиной книги". Неславянские фрагменты, образы, относящиеся к мифологии иных культур в этом цикле редки. Но глава "Каменная баба" объединяет в себе выход за собственно "славянский" материал и опору на него. Вот как происходит появление в тексте заглавного образа:

"От кургана к кургану их вела ковылевая степь, шелковая, колыхалась волною. Ночью месяц светил, освещая дорогу. По небесному краю раскрывалось синее море и, разлившись широким-широко, улетало, как лебедь. Попадались верблюды: угрюмо и молча шел верблюд за верблюдом... И пробегали стада белых овец, порошили, как снег, зеленую степь.

– Эту ночь не пойдем, Алалей, заночуем тут у кургана возле той вон *Каменной Бабы!*" [Ремизов: 142-144]

Курганы и верблюды – явные признаки и указатели степи как пространства, в целом чуждого русскому фольклору. Ковыль может выступать как еще один маркер этой чуждости, но в то же время, если развивать версию Ю. Розанова, может и выступать как очередная аллюзия Ремизова на "Слово о полку Игореве".

Многие образы цикла "К морю-океану" отражают мифологическое сознание, но образ Каменной бабы здесь представляет определенную сложность: мифов о причинах появления этих памятников не зафиксировано ни у скифов, ни у других степных народов, перенявших эту традицию. Автор создает такой миф самостоятельно, отталкиваясь от народной этимологии:

"– Я баба не простая, я Каменная Баба, – провещалась Баба, – много веков стою я в вольной степи. А прежде у Бога не было солнца на небе, одна была тьма, и все мы в потемках жили. От камня свет добывали, жгли лучинку. Бог и выпустил из-за пазухи солнце. Дались тут все диву, смотрят, ума не приложат. А пуще мы, бабы! Повыносили мы решета, давай набирать свет в решета, чтобы внести в ямы. Ямы-то наши земляные без окон стояли. Подыдем решето к солнцу, наберем полным-полно света, через край льется, а только что в яму – и нет ничего. А Божье солнце все выше и выше, уж припекать стало. Притомились мы, бабы, сильно, хоть света и не добыли. А солнце так и жжет, хоть полезай в воду. Тут и вышло такое – начали мы плевать на солнце. И превратились вдруг в камни" [там же].

В полном соответствии с мифологическим сознанием, наказание следует за оскорблением сакрального (в данном контексте Солнце, безусловно, выступает как сакральный объект). Окаменение здесь можно рассматривать, опять же, как проявление *рабского сердца*. Это роднит стихотворение Бунина с рассказом Ремизова: в обоих произведениях скифские "каменные бабы" служат центральным для сюжета образом, этот образ мифологизируется.

Итак, главным мотивом для произведений 1900-1908 годов, так или иначе задевающих скифскую тему, является мотив вещественного, материального наследия. Это наследие у всех авторов выражено через образ камня, что служит знаком с одной стороны некоторой "первобытности" скифской культуры, с другой стороны – ее долговечности. Наибольший интерес представляют "каменные бабы": обыграны их антропоморфность и религиозное значение. Зачастую скифы воспринимаются не обособленно, они помещены в определенный культурный контекст. В случае Брюсова это условно-исторический праславянский контекст, в случае Бунина – контекст Античности. Из-за нехватки информации о реальной мифологии скифов, их верования

создаются авторами заново, на основе общих для различных мировых культур мифологических моделей. Так или иначе, для рассматриваемых авторов скифы оставались фактом прошлого, что отличало их от начинающих разрабатывать эту же тему младосимвосистов и деятелей зарождающегося русского футуризма. Начиная как минимум с 1914 года формировался новый, очередной "скифский миф", и уже следующее за циклом "К морю-океану" обращение Ремизова к скифским образам наглядно покажет, насколько разнилось понимание этих образов в первом и втором десятилетии нового века.

Литература

Орехов В. В. Русские "скифы": эволюция образа // Вестник славянских культур – 2009 – С. 68-74

Брюсов В. Я. Стихотворения и поэмы / Л.: Советский писатель, 1961. – С. 125

Бальмонт К. Д. Полное собрание стихов. Том второй. Издание четвертое – М.: Изд. Скорпион, 1914

Ходасевич В. Ф. О поэзии Бунина // "Возрождение", 1929, 15 августа.

Бунин И. А. Собрание сочинений в шести томах / И.А. Бунин // Москва: Художественная литература, 1987 г. – т. 1.

Электронный ресурс <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9E/obatinina-elena-rudoljfovna/aleksej-remizov-lichnostj-i-tvorcheskie-praktiki-pisatelya/4>

Розанов Ю. В. Алексей Ремизов и "Слово о полку Игореве" // Вестник Череповецкого государственного университета – 2016, №6 – С. 104-108

Ремизов А. М. Посолонь. К Морю-Океану. Змеиными тропами. Каменная баба // А.М. Ремизов. Собрание сочинений в десяти томах. М.: Русская книга, 2000—2003. Т. 2. С. 142—144

Шевеленко И. Д. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России / М.: Новое литературное обозрение, 2017.